

«...Мир и сон тригорских нив»

ПУШКИНСКИЙ ЗАПОВЕДНИК

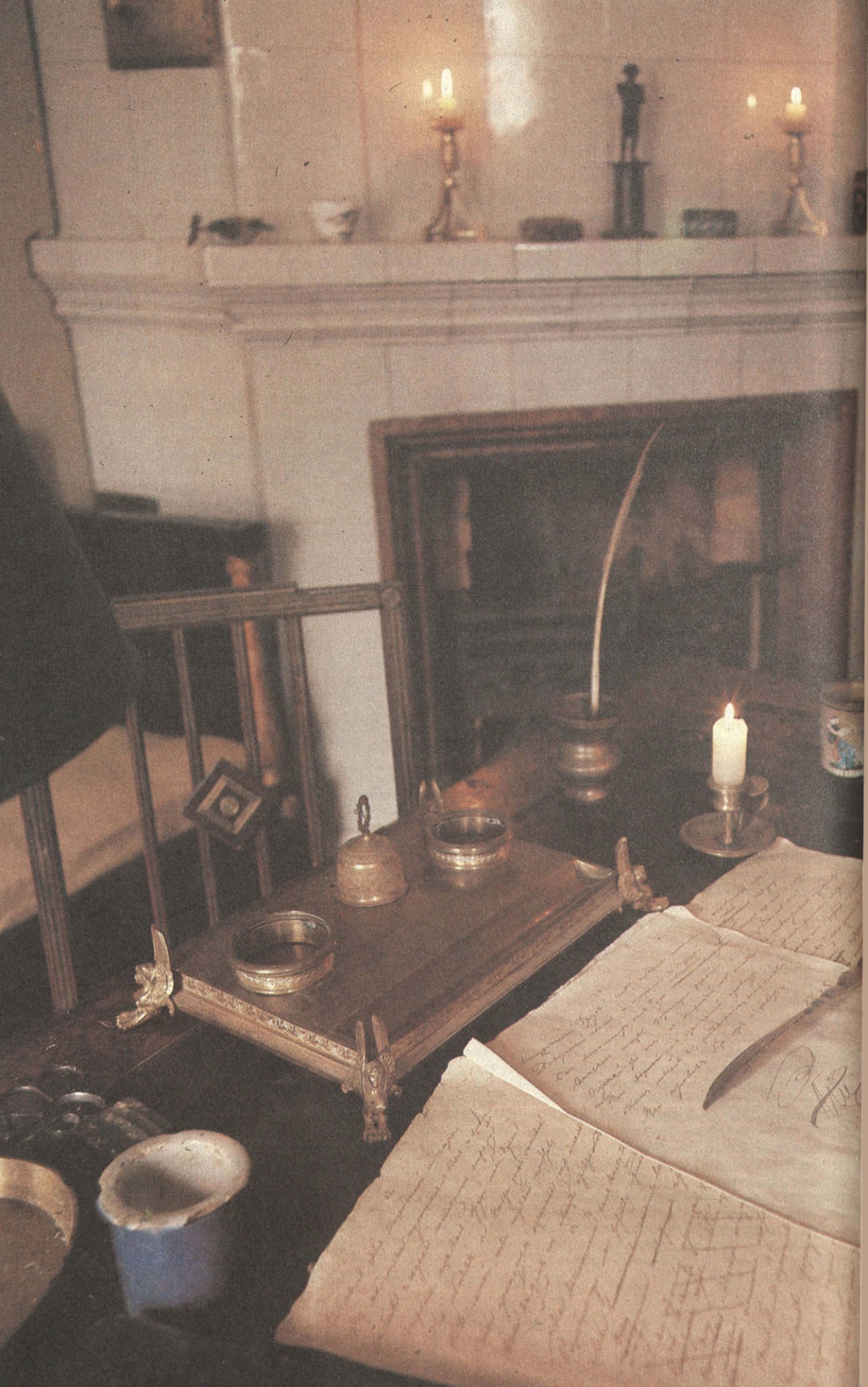

Жизнь и дела великих людей бессмертны, и в местах, где они когда-то жили, сегодня реют их светлые тени. Псковская земля, Михайловское, Петровское, Тригорское, Воронич, Савкино, (Святые) Пушкинские Горы — одни эти названия волнуют сердце человека. А когда видишь луга, рощи и нивы, по которым ходил Пушкин, когда проходишь по дорогам и тропинкам, на которых сохранились следы его жизни, волнение перерастает в трепет сплетенных чувств гордости и грусти, любви и радости.

В «разные годы» навещал поэт свою родную псковскую деревню сельцо Михайловское. Оно принимало его то как восторженного юношу (1817—1819), то как человека, «гонимого судьбой» (1824—1826), то как пришельца, уставшего от многочисленных интриг светской черни и мечтающего обрести в сельском уединении длительный покой и тихую обстановку для творчества (1835—1836). Здесь, в ветхом маленьком деревянном дедовском домике, как нигде в другом месте, ему хорошо работалось, хорошо писалось даже в годы ссылки, в дни жестокой расправы царя с декабристами — друзьями, братьями, товарищами.

Здесь, в псковской деревне, в постоянном общении с простым народом, формировалось поэтическое мировоззрение Пушкина. Именно здесь окреп и засиял его творческий гений. В Михайловском были задуманы и написаны такие шедевры, как «Борис Годунов», «Граф Нулин», центральные главы «Евгения Онегина», политические эпиграммы, лирические стихотворения, среди которых «Сожженное письмо», «К морю», «Желание славы», «Андрей Шенье», «Подражание Корану», «19 октября», «Я помню чудное мгновенье», «Вакхическая песня», «Зимний вечер», «Песни о Степане Разине», «Пророк», «Вновь я посетил...» и многое, многое другое.

Этому взлету творчества содействовала в большой мере чудесная природа Михайловского с ее необъятной ширью зеленых лугов, полей, холмов, покрытых рощами, дремлющих старинных курганов и городищ, синих озер, оправленных в золотую раму прибрежного песка. Истинно русская природа псковского края ограничила поэтический талант Пушкина, придав ему все высшие свойства национального. Здесь, в тиши михайловских рощ, поэт смог расстаться с «суею столицей праздной», уйти от сутолоки и светской жизни. С осо-

Handwritten letters on the desk, including a large sheet with a signature and a smaller sheet with a signature.

бенной силой, удивительно конкретно и точно звучат здесь поэтические творения Пушкина. Зачастую стихи, написанные в Михайловском, читаются как поэтический путеводитель по заветным местам.

Четкие и ясные пушкинские строфы сопровождают вас всюду: и в кабинете поэта, и на балконе дома, в яблоневом саду, в аллеях парка.

Совершая прогулку по Михайловскому и его окрестностям, попробуйте раскрыть томик пушкинской лирики и прочтите знаменитую элегию «Вновь я посетил...» — и вы почувствуете, как поэт шаг за шагом будет открывать перед вами картины своей деревенской жизни, памятные ему места. Вы увидите своими глазами все, о чем говорит стихами: и «опальный домик», где жил он со своей бедной няней, и «холм лесистый», и озеро, и «дорога, изрытая дождями», и «три сосны», и «младшая зеленая семья» — «племя младое, незнакомое»... Читаешь эти стихотворения и поражаешься слитности их строф с местными видами. Временами кажется, что пушкинскими стихами напоен воздух Михайловского.

Каждый день деревья, кусты, лужайки и поляны Михайловского проявляют свой характер по-новому. Как будто таинственный хранитель этой великолепной картинной галереи заменяет одну из старых картин новой, более яркой и гармоничной по цвету, рисунку и колориту. Весной здесь все в цвету, все поет, шумит и гудит. Разламывая тишину, шумят воды Сороти и озер Маленец и Кучане, многоголосым эхом навстречу заре несется пение сорока сороков местных птиц, стучат аисты, трещат цапли, слышны соловьиные трели и «иволги напев живой».

Когда приходит золотая осень, все в Михайловском пропитано яблоневым ароматом, запахами зрелой антоновки, грушовки, титовки... А когда наступает зима, здесь поселяется удивительное безмолвие, и заснеженный пушкинский уголок становится обителью «пустынных вьюг и хлада». Так было при Пушкине. Так все и сейчас.

Сегодня большинство деревьев — современники Пушкина, инвалиды или ветераны Великой Отечественной войны. Они требуют особого ухода, забот, лечения.

Каждые десять лет совместно с группой москвичей — работников садово-паркового искусства — мы проводим обследование деревьев и лечебные процедуры их.

В Михайловском по-особенному волнует не только то, что вот по этой аллее Пушкин проходил с Анной Петровной Керн, на берегах этого озера любил бродить в одиночестве, а в этой низенькой избушке слушал и записывал сказки своей доброй няни Арины Родионовны, а в этом дедовском доме встречался со своими верными братьями-лицеистами — будущим декабристом И. И. Пущиным, поэтом А. А. Дельвигом, приехавшим навестить опального поэта.

Здесь как-то яснее думается о многом из того, что волнует советского человека сегодня. Ведь Пушкин всю свою жизнь мечтал о русском человеке в «конечном его развитии», неустанно думал о том, как наилучшим образом овладеть умением показывать современность через человека, и его труд, и окружающую его природу. Мечты Пушкина сегодня стали явью.

Кабинет
А. С. Пушкина
в Михайловском

Не отрываясь от самой что ни есть реальной обстановки, Пушкин создавал в Михайловском широкий и многогранный облик современности, изображал ее через человеческие взаимоотношения. Даже, казалось бы, незначительные приметы времени, детали он умел поднимать до больших обобщений. Это особенно чувствуешь, когда сличаешь запечатленное в пушкинских строках с обстановкой и реликвиями заповедника. Все, что видишь, находясь в «гостях» у Пушкина в Михайловском, есть в его михайловских творениях.

Гостиная
в доме
Ганнибалов

Пушкинские стихи сопутствуют вам и в другом замечательном заповедном уголке — Тригорском, находящемся неподалеку от Михайловского. В нем некогда жили близкие друзья поэта — большая семья Осиповых-Вульф. «Приют, сияньем муз одетый», — вспоминал о нем Пушкин. Тригорский парк всегда полон радости и юн, как апрель. В нем нет суровых сосен, и елей, характерных для Михайловского. Его уютные «домашние» липы и шумные клены, ярко-зеленые березы и серебристые ивы создают впечатление беспредельной солнечности и веселья. Как и сто лет тому назад, все в Тригорском овеяно Пушкиным. Дом радушных хозяев, восстановленный в 1962 году, полная чаша. Его обстановка, картины, книги, девичье рукоделье, пушкинские сувениры, которыми поэт любил одаривать юных «дев гор» — все это стоит на тех же местах, как тогда, когда здесь гостил и отдыхал Пушкин. Всем обитателям этого дома поэт посвятил стихи.

*Везде, везде в душе моей
Благословлю моих друзей,
Нет, нет, нигде не позабуду
Их милых, ласковых речей,*

*Вдали, один, среди людей
Воображать я вечно буду
Вас, тени береговых ив,
Вас, мир и сон тригорских ив,—*

благодарно вспоминает он о своих друзьях в «Путешествии Онегина». Еще современники поэта оценили Тригорское как заповедное пушкинское место, и в этом доме, вскоре после гибели Пушкина, хозяйка Прасковья Александровна Осипова устроила маленький музей, где были сосредоточены вещи, имевшие отношение к Пушкину, его письма, посвящения, книги, подарки. Сегодня многие из этих реликвий вновь возвратились на свои места. На усадьбе и в парке — в этом замечательном произведении русского садово-паркового искусства второй половины XVIII века — много затейливых пушкинских уголков и сюрпризов, восстановленных сегодня, — банька, «Диван Онегина», «Береза-седло», «Место под рябинами», «Зеленые солнечные часы», «Дуб уединенный». И всюду встречаются пришедшего сюда паломника пушкинские стихи и строфы «Онегина», высеченные на мраморных плитах и камнях.

Чудесно и Петровское — родовое гнездо Ганнибалов — предков Пушкина, появившихся на псковской земле еще в 1742 году. В старинном, разбитом на французский манер парке, знаменитом своими аллеями карликовых лип, в 1977 году восстановлен дом, в котором некогда жил дед поэта Петр Абрамович Ганнибал. Здесь музей, рассказывающий о родословной Пушкина, об «Арапе Петра Великого» и его детях, о встречах поэта со своим дедом.

Пушкинская земля бережно хранит следы далекого героического прошлого родного края — благородные курганы и городища Воронич и Савкино, остатки некогда славного псковского пригорода, защищавшего Псковщину от иноземных захватчиков в XIV — XVII веках. Памятные поклонные и надмогильные кресты и камни этих городов, как и белые стены древнего Успенского собора Святогорского монастыря, построенного четырьмя столетиями назад по указу Ивана Грозного, не могли не заинтересовать Пушкина, в особенности в период его работы над народной исторической драмой «Борис Годунов». Об этом красноречиво говорит надпись на рукописи «Бориса»: «Писано бысть Алесашкою Пушкиным, в лето 7333 на городище Ворониче...»

Памятники архитектуры Пушкинского заповедника весьма разнообразны как по времени, так и по своему характеру и назначению. Это и древнерусское зодчество, это и русская классика конца XVIII — начала XIX века, это и архитектура безвременья конца XIX — начала XX века, это и архитектура наших советских лет.

Изучая историю этих памятников, мы невольно вспоминаем высказывание Н. В. Гоголя о роли архитектуры в жизни людей. В своей статье «Об архитектуре нынешнего времени» он пишет: «Архитектура — это летопись мира: она говорит тогда, когда уже молчат и песни и предания...» Статья эта написана почти полтора столетия тому назад. Но до сих пор поражает нас свежестью, глубиной наблюдений, суждений, имеющими непреходящую ценность. Ничто не вечно под луной —

говорит народная мудрость. Все, что зиждет человек, рано или поздно физически стареет. Так и архитектурные сооружения. Это процесс медленный и разносюжетный. Разрушения бывают от износа, от войн, от пожаров. Другая причина — моральное старение сооружения. Через какое-то время оно теряет свое назначение и становится ненужным. Особенно быстро стареют жилые деревянные постройки.

За исключением архитектурных зданий Святогорского монастыря почти все другие исторические сооружения на здешней земле

жавших сюда в конце XIX — начале XX века: Белогруд, Нилендер, Назимов, Волоцкий, Федченко, Некрасов, Беренштам, Курбатов, Медведев, Никитин, Елагин, Фомин, Щуко, Лансере. Вот краткий перечень архитекторов, приезжавших сюда и работавших в Пушкинских Горах уже в советское время: Романов, Удаленков, Виноградов, Маляревский, Щусев, Сухов, Гофман, Рязнин, Барановский, Рожнов, Яковлев, Гедике, Смирнов, Чечулин.

При участии архитекторов Белогруда и Назимова были произведены в начале века

были деревянные. Они быстро гнили, разрушались, ремонтировались, переделывались, как того требовали «иные времена». Многие переделки совершались по принципу «авось и небось», ибо их суть, их назначение становились иными.

После смерти А. С. Пушкина, имя которого «в разны годы» осенило все сооружения в здешнем крае, в которых он бывал — жил, гостил, попал случайно, стали предметом особого внимания деятелей культуры и искусства, в частности архитекторов, историков, археологов.

Задолго до того как пушкинская земля в 1899 году была приобретена в общенациональную собственность, задолго до того как после Великой Октябрьской революции (22 марта 1922 года) она была объявлена заповедной, на ней побывали многие знатные архитекторы России. Пришло время, когда люди стали бережно хранить следы земного пребывания Пушкина на псковской земле. Архитекторы — художники, приезжая сюда, стали делать обмеры, зарисовки, обследования памятников и памятных мест, стали разрабатывать проекты их реставрации, ремонта, благоустройства. Вот краткий перечень архитекторов, приез-

ремон и реконструкция вершины могильного холма Святогорья, сооружение каменных монументальных опорных стен холма и мраморной балюстрады. По их проектам был произведен капитальный ремонт собора, который дал большую трещину со стороны алтарной апсиды, а также реставрация мавзолея Пушкина в связи с обвалом его гробницы.

По проекту архитектора Некрасова в Михайловском были произведены работы по благоустройству усадьбы и парка, построены здания для колонии престарелых писателей и ученых.

Архитектор Ф. Г. Беренштам разработал проект реставрации площадки «скамья Онегина» в Тригорском, сползающей к реке Сороти. Огромную работу провел на пушкинской земле по реставрации и благоустройству ее памятников профессор Ленинградского университета К. К. Романов. Архитектор академик А. В. Щусев со своими помощниками архитекторами Суховым, Рязниным и Барановским составил план восстановления Михайловского и Святогорского монастыря, разрушенных фашистами в годы оккупации Пушкинских Гор (1941—1944).

Работая в исторических архивах и фондах

Библиотека
в доме
Ганнибалов

Могила
А. С. Пушкина
в Святогорском
монастыре

Могила
А. С. Пушкина
после изгнания
фашистов

многих музеев Ленинграда, Москвы, Пскова, Киева, Минска, я нашел немало доселе неизвестных документов, по-новому освещающих историю страны и восстановления исторических памятников Пушкиногорья.

Бережно хранит псковская земля и священные могилы доблестных воинов Советской Армии, отдавших свою жизнь за Пушкина, за освобождение заповедника от фашистских захватчиков, нанесших ему в 1941—1944 годах жестокие раны и разрушения. Могил много, они всюду. Братское кладбище и у стен Святогорского монастыря, и на большой горе, что на реке Великой, и в селе Вече.

Святогорский монастырь — место последнего пристанища поэта, трагически погибшего в январе 1837 года, — фамильное кладбище Ганибалов — Пушкиных. Здесь покоится прах деда и бабушки, отца и матери и маленького брата Александра Сергеевича — Платона.

Как известно, хоронить Пушкина в Петербурге царь не разрешил. Он вспомнил о желании поэта быть похороненным в Святогорье, на родовом кладбище. Здесь и похоронили 18 февраля. На вершине могильного холма, среди частых стволов вековых дубов и лип, площадка, обнесенная белой мраморной балюстрадой. Рядом древний Успенский собор, как богатый на страже. Здесь лежит сердце Пушкина. Над могилой белеет мраморный обелиск, поставленный четыре года спустя после смерти Пушкина. Под обелиском урна с наброшенным на нее покрывалом, на гранитном цоколе надпись:

Александр Сергеевич Пушкин.

Родился в Москве 26 мая 1799 года.

Скончался в Петербурге 29 января 1837 года. Могила великого поэта была поругана фашистами. Она была реставрирована в 1953 году.

Сегодня через древнюю монастырскую ограду пролегла поистине «народная тропа». Нескончаемой вереницей поднимаются люди вверх по суровым каменным ступеням к этому святому месту, чтобы поклониться светлой памяти любимого поэта.

*И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлеть,
Но ближе к милому гробу
Мне все б хотелось почивать.
И пусть у гробового взда
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красю вечно сиять.*

Эти строки Пушкина выбиты на мраморной стеле, стоящей у входа к могиле поэта.

За последние годы неузнаваемо изменился Государственный Пушкинский музей-заповедник. В нем воссоздано не только то, что было разрушено фашистами в 1941—1944 годах, но восстановлены многие пушкинские памятники, давно исчезнувшие с лица земли и о восстановлении которых мечтали пушкиноведы и историки многие, многие годы. Теперь это музей-заповедник А. С. Пушкина, насчитывающий в своих фондах бесценные реликвии, десятки тысяч произведений искусства и быта, различных документов, посвященных великому поэту, книг Пушкина и о Пушкине.

В день 20-го праздника поэзии 1 июня 1986 года состоялось открытие еще одного нового музея — водяной мельницы в Бугрове, где часто бывал Пушкин.

Музей этот в подлинном смысле можно назвать народным, дар благодарных поклонников поэзии Пушкина. Проект мельницы был безвозмездно разработан московскими архитекторами И. А. Прилуцким и Ю. А. Насоновым. По этому проекту латышские рабочие из города Резекне соорудили здание мельницы, привезли и подарили нам, поставив его на историческое место. В строительстве дома мельника и его хозяйственного двора принимала участие Псковская научно-реставрационная мастерская под руководством М. И. Семенова, строительный отряд химического факультета Московского государственного университета имени Ломоносова. Электрфикация музея и подсобных сооружений произвели безвозмездно псковские рабочие. Сад и все уголке вокруг дома мельника расчищали наши друзья-шефы и дети-школьники, «доброхоты» Москвы, Ленинграда, Пскова. Баньку восстановили рабочие заповедника. В экспозиции и убранстве дома мельника тоже принимали участие не только работники Пушкинского заповедника, но и многие добрые люди — рабочий из г. Таллина Ю. Золотарев, художники Э. Насибулин, Г. Фильчаков, Н. Шретер.

Сегодня Михайловское стало «страной поэзии», в нем ежегодно проводится Всесоюзный праздник поэзии, Пушкинские конференции, чтения, семинары. Сегодня Пушкин вновь в своей «деревеньке на Парнасе», он здесь всюду — и в домах, и в парках, рощах, цветах и травах, птичьим гомоне и щебете...

Все, что бы здесь ни делалось, ни восстанавливалось, ни благоустраивалось, все это проверяется нами, хранителями заповедника, — и по Пушкину, страницам летописи его жизни и творчества, его письмам, стихам, его заповедям, воспоминаниям его друзей. Около двадцати миллионов паломников побывали здесь за послевоенные годы. Люди приезжали и приезжают сюда со всех концов Советской страны и из-за рубежа нашей Родины. Имя Пушкина у всех на устах и не потому только, что нынешний 1987 год особо пушкинский, юбилейный, а потому что Пушкин — это наш учитель, наша вера в прекрасное, наша радость и блаженство.

«Пушкин — гений европейский, слава всемирная» — эти слова, сказанные более полутора столетия тому назад, громко звучат и сегодня. Известный бельгийский поэт, лауреат многих международных премий, член общества «Бельгия — СССР» Морис Карем, принимавший участие в нашем Пушкинском празднике 1974 года, писал:

«Праздник в Пушкинских Горах нужно проводить всегда, для того, чтобы на земле утвердилось всеобщее братство и мир. На земле существуют имена поэтов, которые на устах людей всего мира. Среди этих имен — Александр Пушкин! Я могу сказать, что я один из самых счастливых людей на свете, ибо я никогда доселе не смел и мечтать, что получу эту огромную радость — не только приехать в деревню Михайловскую, где он трудился, любил, страдал, но и говорить о нем, о его творчестве, о его воздействии на меня. Все это дало мне решимость творить лучше, чем когда бы то ни было».

Все мы, научные работники заповедника, получаем ежедневно много писем от разных людей, мечтающих посетить Пушкинское Святогорье, совершающих воображаемые путеше-

ствия к нам. Среди этих писем есть и письма — своеобразные исповеди. Я читаю эти письма и думаю: что же ищут люди в Пушкине? Они обращаются к нему за советом, за помощью, они видят в нем опору и источник неиссякаемых сил душевных. Люди наделяют его теми чертами, которыми хотят обладать сами: степенный — смелостью, вспыльчивый — спокойствием, грубый — нежностью и добротой. Вы скажете: «Бог»? Пусть так. Только это Бог добра, разума, справедливости. И вера в него разумная — очистиющая, возвышающая.

Для меня лично Пушкин — это все доброе, чистое и светлое, все самое лучшее, что есть в человеке. «Чувства добрые я лирой пробуждал...» Приходят иногда ко мне люди со сложными судьбами — то, скажет, не вышло в жизни, это не получилось, и вообще, сам я теперь не знаю, чего хочу... Дам я ему в руки метлу и скажу: «Сбей-ка ты с себя, дорогой, ненужную спесь. Поживи здесь просто, поработай по-черному. послужи людям, ему послужи». И, поверьте, через месяц преобразается человек: проясняется он, как зеркало, все становится чище в нем, проще, мудрее. И вы не подумайте — это не результат физического труда и свежего воздуха... Нет и нет. Здесь врачует светлая тень Пушкина. Об этом еще А. В. Луначарский, приехавший сюда в 1926 году, говорил: «Когда ходишь теперь по запустелому парку с такой страшной интенсивностью думаешь о Пушкине, что, кажется, нисколько не удивился бы, если бы вдруг из купы деревьев или из-за угла здания появилась бы его задумчивая фигура». Удивительным, магическим действием обладает личность Пушкина — так невероятно глубоко понимал он душу человеческую. Прожив такую короткую жизнь, сам иногда пугался своей глубины, своего фантастического проникновения в недра человеческого «я»... Благородство его помыслов, вера в радость и красоту, искренность чувств до сих пор заряжают людей, как аккумулятор, сколько раз я был тому свидетелем. По-моему, Пушкина нужно давать как лекарство, только осторожно, ибо легкое, бездумное отношение к нему может привести к чему-то нехорошему.

О своих личных «встречах» с Пушкиным я рассказываю в книгах «У Лукоморья» и «Пушкиногорье», «Приют, сияньем муз одетый». Эти рассказы — результат большой, кропотливой работы по изучению и восстановлению Пушкинского заповедника. В основе ее — осмысление творчества Пушкина, всего многообразия связей поэта с огромным миром природы, людей, вещей, что так или иначе могло явиться источником его поэтического вдохновения, в чем-то предопределило его творчество. В согнах разнохарактерных деталей нужно было увидеть эти элементы эстетического воздействия и придать им облик конкретный, зримый.

*В гармонии, соперник мой,
Был шум лесов иль визорь буйный.
Иль иволги напев живой,
Иль голос речки тихоструйной.*

И совсем в другом месте:

И светлые ручьи в кустарниках шумят.

Так появляются новеллы о людях, о травах, цветах, птицах, зверях, камнях и водах

Пушкинских мест. Все это в книге о Пушкине, по-моему, не только допустимо, но чрезвычайно важно, ибо все это — он, его живая душа, его вдохновение, то, без чего Пушкин не был бы Пушкиным.

Если нет прямых свидетельств, я пользуюсь методом исторических аналогий. Изучение быта помещичьих усадеб и нравов того времени помогло нам в возрождении в Михайловском «Острова уединения», «мельницы крылатой», беседки, баньки... — их просто не могло не быть, и они великолепно вписались в экспозицию и, кстати, дали материал для моих новых рассказов.

Огромную неоценимую помощь оказывает словарь языка Пушкина. Мог ли Пушкин сказать так, как слышится мне? Мог ли он сказать так именно в тот период, о котором я пишу? Все это мною тщательно выверяется и проверяется. Вообще, творческая фантазия у меня всегда в рамках реального: никто не знает, было ли то точно так, но точно известно, что так могло быть. Пушкин, например, был необычайный фантазер, неистощимый на выдумки и проказы. В Тригорское часто являлся он то монахом, то цыганом, то в крестьянской одежде. Поэтому в новелле «Однажды в замке Тригорского», изображая его появление в доме Осиповых-Вульф, от жизненной правды я ни на шаг не отошел.

За долгие годы совместной работы с Пушкиным он стал моим наставником и советником. Он помог мне выработать в себе невидимый камертон, некий художнический и нравственный ориентир, который поможет мне во всем, будь то оценка произведений искусства (в любом жанре) или событий жизни. Мир сейчас стал смелее, искусство — свободнее, и если бы не было Пушкина, к которому я постоянно духовно обращаюсь, не представляю, как разобрался бы я в окружающей жизни. Пушкин для меня — не застывший эталон, не догма, это жизнь, и слезы, и любовь — целый мир, богатства которого неисчерпаемы.

И все же, отдав полжизни, я не постиг его до конца. Думаю, что это и невозможно. Пушкин — всегда и для всех открытие, всегда открытие и потому — всегда от неожидан, нов и необычайно современен. Жизнь Пушкина — это героическая попытка его в том мире, в котором он жил — в мире рабства, насилия и злодейства, — стать не только выше всех условий, нравов, традиций и других духовных барьеров, но объявлять человечность, мир, любовь, дружбу, труд вовлеченный и все чувства добрые основной движущей силой бытия. Меня всегда потрясали слова П. А. Вяземского: «В Пушкине, — говорит он, — глубоко тайлась охранительная и спасительная нравственная сила. Эта сила была любовью к труду, потребности труда, неодолима потребность творчески выразить, вытеснить из себя ощущения, образы, чувства, которые из груди его просились на свет божий и облекались в звуки, краски и глаголы, очаровательные и поучительные. Труд был для него святыня, купель, в которой исцелялись язвы, немощ, уныние, обретались бодрость и свежесть, восстанавливались ослабленные силы». Вот эта спасительная нравственная сила, заложенная в творениях поэта, и притягивает к себе всех.

С. С. Гейченко, писатель,
Герой Социалистического Труда